

Какъ Лиса на Пѣтуха зубы
точила.

Лиса ожидалась Лиса ночи, забралась къ мужику во дворъ и, только было, просунула носъ въ курятникъ,—а Пѣтухъ проснулся, да какъ закричитъ во всю глотку, ногами затопалъ, крыльями захлопалъ. Съ того крика пѣтушиного куры закудахтали, утки закрикали, гуси загоготали, собаки залаяли, лошади заржали, коровы замычали. Выбѣжалъ мужикъ изъ избы съ палкой,—только Лисы ужъ и слѣдъ простылъ. «Ладно,—говоритъ себѣ Лиса,—и это я тебѣ, Петя, припомню; за все разомъ отплачу».

Прошло довольно времени. Вышелъ разъ Пѣтухъ въ лѣсъ погулять, взлетѣлъ на рябинку, сидитъ да по сторонамъ посматриваетъ. Вдругъ—шашь Лиса изъ-за кустика, сѣла подъ деревомъ и говоритъ: «Здравствуй, Петинька!»—«Чего надо, куроцапка!»—«Эхъ, Петя, Петя! Я къ тебѣ съ добрымъ словомъ, а ты ругаться. Не до куръ ужъ мнѣ теперь: старость, Петя, подходить, пора о грѣхахъ подумать. Вотъ и пришла я къ тебѣ со смиреніемъ: дай,—думаю,—пойду, моего Петю повидая, обиды ему

мои прошу. Ужь какъ ты меня у Зайца въ избушкѣ испугаль, какъ въ курятникѣ настрашаль,—и то я противъ тебя зла не держу. А ты вотъ что, Петя, подумаль бы: я тебя люблю,—каково мнѣ твои грѣхи видѣть? Меня ты на весь лѣсъ срамишь-ругаешь, а самъ забрался на высокое дерево и гордостью своею величаешься. Да и на дерево-то взобрался неспроста. Сидишь ты на рябинѣ, ягодами объѣдаешься, а того не знаешь,—какой грѣхъ обжорство. Сойди, Петя, внизъ, сядемъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ; простимъ другъ другу да поцѣлуемся. А то, каково тебѣ будетъ, какъ помру я, тебя не простивши?»

Разжалобила Лиса Пѣтуха, умилился Пѣтухъ, прослезился, и сталъ спускаться: съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучекъ, съ пенька на пенекъ,—и попалъ Лисѣ въ лапы. Взмолился Пѣтухъ: «Не ѣшь меня, Лиса, честная вдова, ласковыя твои слова, сахарныя уста! Много ли во мнѣ korzyсти? А вотъ былъ я вчера у самого царя въ палатахъ,—хвалили меня всѣ на перебой: и собой-то я молодецъ видный и голосъ-то хорошъ. Зовутъ въ пѣвчіе. Вотъ бы тебѣ черезъ меня, Лисынька, попасть въ птичницы: курамъ, уткамъ, счета нѣтъ. Ёшь—сыта, не хочу,—да облизывайся».

Потекли у Лисы съ тѣхъ пѣтушинныхъ словъ слюнки, выпустила она лапы, — а Пѣтухъ порхъ на дубокъ и кричитъ: «Здравствуй, придворная птичница! Много ли куръ скушала? Спасибо, что меня, разинувъ ротъ, слушала!»

И пошла Лиса отъ Пѣтуха прочь, не солоно хлѣбавши. «Сколько,—думаетъ,—на свѣтѣ лѣтъ ни живала, а такого срама, отродясь, не видала: и вправду, гдѣ это бываютъ пѣтухи въ пѣвчихъ, а лисы въ птичницахъ».

